

Какой же въ баснѣ толкъ?

Толкъ этой басни тотъ, что также бѣ не мѣ-
шало
Смирять пощечиной и взрослога нахала,
Да не слегка,
(Особенно когда болванъ учить берется)
А со всего плеча, ужь какъ ни размахнется
Здоровая рука.

Борисъ Фаддеевъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ОФИЦЕРА.

Э т ю д ъ.

21-го генваря. С.-Петербургъ.

Вчера весь вечеръ просидѣлъ у Скуяровыхъ, моихъ по-
выхъ знакомыхъ. Дурачилъ обѣихъ дочерей хозяина; кажет-
ся, обѣ ко мнѣ равнодушны. Впрочемъ, я не желаю
имъ ничего дурнаго и не имѣю на нихъ никакихъ преступ-
ныхъ видовъ; да и не слишкомъ онѣ мнѣ нравятся: есть
лучше ихъ.

Послѣ чаю я пошелъ въ кабинетъ къ Скуярову, гдѣ на-
шолъ нѣсколько человѣкъ изъ такъ-называемыхъ *передо-
выхъ*.... гм!... Этотъ Скуяровъ, вѣроятно, сознаетъ безси-
лие своей собственной головы, и потому третя все около
людей, которые слывутъ между собой глубокими умами,
европейски-образованными, современными, гуманными и т.
д., и т. д.; третя около этихъ господъ Скуяровъ для того,
вѣроятно, чтобы позаимствоваться отъ нихъ чѣмънибудь,
— признаюсь! Нужно для этого имѣть слишкомъ мало са-
молюбія. А вѣдь, по словамъ этихъ-же самыхъ господъ, че-
ловѣкъ безъ самолюбія, — жалокъ. Вотъ люди! Говорятъ
одно, — дѣлаютъ другое. Знаю я ихъ насквозь! Скуяровъ
думаетъ, что къ нему ходятъ эти передовые, потому-что
его бесѣда для нихъ очень пріятна, — ничуть не бывало.
Ходятъ они къ нему потому, что имъ нуженъ-же кто ни-
будь, кто-бы сталъ слушать ихъ краснорѣчивыя слова, вы-
читанныя изъ книгъ; вѣдь имъ-бы только говорить; ну, да
и поѣсть за это дадутъ. Въ вознагражденіе-же Скуярова,
они выслушиваютъ и его высокопарныя рѣчи. Разумѣется,
зѣваютъ. Но вѣтъ несноснѣй, это Бурскій; это — *mauvais
ton*, это — грубіанъ! Я тоже кинулъ свое слово въ ихъ
разговоръ; вдругъ Бурскій мнѣ отвѣчаетъ какимъ-то глу-
пѣйшимъ замѣчаніемъ, котораго смысла рѣшительно нельзя
понять; да онъ и самъ, я думаю, его не понималъ. Даже и
другіе всѣ дѣльные люди улыбулись. Я пожалъ плечами и
вышелъ вонъ. Въ залѣ было много народу. Въ гостиной
меньше; у окна сидѣла младшая Скуярова. Я подѣлъ къ
ней.

— Что вы какой мрачный? спросила она.

Я молчалъ.

— Мсьё Буинскій! Что съ вами?

Я очнулся отъ глубокой задумчивости.

— Бѣсить меня часто люди своими дикими убѣжденіями!
произнесъ я.

— Ужъ не жолчь-ли это?

— А вы думаете, Марья Александровна, что у человѣ-
ка добраго и благороднаго не можетъ шевелиться жолчь въ
груди?

— Нѣтъ, я не то думала.

— Что-же вы думали?

— Такъ, ничего. Жолчь вѣдь болѣзнь; вотъ, я помню,
у моей няни разъ жолчь разлилась, — такая няня желтая
была!...

Вскочила, да убѣжала въ другую комнату. Я произвелъ
на нее впечатлѣніе. Когда я началъ говорить, что меня лю-
ди бѣсятъ, у нея глазенки такъ и заискрились. Она еще
очень молода; ей не больше 16 лѣтъ; она видитъ во мнѣ
Печорина, — не мѣшаетъ. Печоринскій плащъ имѣетъ не-
преодолимую притягательную силу.... А въ груди моей, въ
самомъ дѣлѣ, кипитъ буря противъ этихъ звонарей! Что-то
они много толковали о политическомъ обзорѣни Русскаго
Вѣстника; нужно будетъ просмотрѣть, что это такое; мо-
жетъ быть, интересно. Конечно, я отчасти согласенъ съ
моимъ милымъ Митей Кроминымъ, что если можно что ни-
будь читать, то это — французскіе романы; но все таки,
можно сказать, что и въ нашей литературѣ изрѣдка попада-
ются вещи недурныя; напр. я недавно читалъ воспомина-
нія одного офицера; эти кутежи, интрижки, все это такъ
живо, увлекательно обрисовано, что, просто, прелесть!
Вотъ тоже въ Современникѣ «Губернская камелія», — пре-
красная вещь. Впрочемъ, теперь столько расплодилось жур-
наловъ и книгъ, что нѣтъ возможности слѣдить за лите-
ратурой. А я-таки люблю иногда почитать; это мнѣ, разу-
мѣется, въ извѣстные моменты, доставляетъ весьма пріятное
временпровожденіе, *passé-temps*.... А этотъ Бурскій! На-
халь, глупецъ! Какъ вспомню его глупую рожу, такъ ла-
донь чешется!

Теперь еще рано, всего 2-ой часъ. Одѣнусь и пойду
прогуляться; обѣдать.... эхъ! пообѣдать-то порядочно не-
льзя; у Дюссо у меня кредита нѣтъ; придется попросить ка-
куюнибудь гадость у кухмистера; съ тѣхъ поръ, какъ я
ему задолжалъ, — чортъ знаетъ, какую мерзость даетъ.

Вечеръ проведу у Вихряевыхъ, съ моей, какъ это гово-
рится? Да! Съ моей Афродитой, съ моей милой Вѣрочкой.
А прехорошенькая дѣвочка эта Вѣрочка! Немного сентимен-
тальна, за то ужъ какъ любить меня! Не совѣмъ еще она
мнѣ поддалаеъ, — ну, да авось, достигнемъ цѣли! только
бы мнѣ удалось ее уговорить поѣхать кататься, когда по-
слѣ обѣда старики ложатся спать; а тамъ можно будетъ
предложить заѣхать ко мнѣ — посмотрѣть на мою холостую
квартирку.... У! какой я Донъ-Жуанъ!

4 часа.

Уфъ! только-что пришелъ домой. Пошелъ я, какъ намѣ-
ревался, гулять. Вышелъ на Невскій. Публики было про-
пасть. Дамы вотъ такъ и кишатъ своими кринолинами. А я
люблю гулять по Невскому, — очень пріятно для самолю-
бія. У меня наружность весьма и весьма привлекательная;
все, начиная съ форменной фуражки и кончая каблукомъ,

так и дышетъ этой порядочностью; сложеніе у меня такое svelte; усамъ моимъ завидуютъ все мои товарищи; къ тому же это pince-nez придаетъ человѣку столько этого шику, этого европейскаго лоску; о, Французы, Французы! Вотъ народъ, вотъ нація! Vraiment, c'est une grande nation, qui a le droit de mépriser les autres!

Все шло какъ нельзя лучше; на меня заглядывались многіе хорошенькіе глазки. Я даже слышалъ, какъ одна съ восторгомъ сказала: charmant garçon! Все шло хорошо, говорю я, пока не попался мнѣ на встрѣчу одинъ господинъ, малый, ужасно экзальтированный. Мы знакомы еще съ дѣтства. Онъ бѣжалъ въ университетъ; я былъ такъ глупъ, что спросилъ, кого онъ идетъ слушать. Онъ пустился въ одушевленные похвалы профессору, изъ которыхъ можно было судить, что профессоръ этотъ чуть не полу-богъ какойнибудь, и кончилъ тѣмъ, что предложилъ мнѣ пойти послушать его. Отказаться было неловко, тѣмъ болѣе, что я, до этого предложенія, сказалъ, что не знаю, какъ убить время, что дѣлать рѣшительно нечего. Пошли. Приходимъ; усѣлись. Вошелъ профессоръ; такой молоденькой; началъ читать. Боже мой, какая тоска! Я не зналъ, какъ дожидаться конца. Да, главное, хоть-бы дѣйствительно хорошъ былъ профессоръ, ну, это я понимаю; можно послушать. А то рѣшительно ничего въ немъ нѣтъ. И какія нелѣпныя мысли вдругъ высказываетъ! Что вдругъ, будто свобода не состоитъ въ томъ, чтобы всякій имѣлъ право дѣлать, что ему угодно; что, будто, на взаимныхъ уступкахъ основывается свобода, и т. д., и т. д. Ну что-же это за свобода такая! Развѣ это свобода? Развѣ такъ должно понимать свободу? Это ни на что не похоже! Еще говорилъ онъ такъ, мимоходомъ, въ скобкахъ, что *известно всѣмъ*, что теорія Ж. Ж. Руссо никуда не годится... *Извѣстно всѣмъ!* Да почему же онъ не доказываетъ-то, что говорить? Мнѣ кажется *извѣстно всѣмъ*, что Руссо былъ умнѣйшій человѣкъ; я еще гимназистомъ зналъ, что это былъ философъ!... Не знаю, гдѣ-бы достать прочитатъ сочиненіе Руссо, и узнать въ чемъ именно состоитъ его теорія...

Послѣ лекціи мой знакомый подбѣжалъ ко мнѣ, схватилъ меня за руку и началъ нести чепуху: «каковъ! говорить. «что за глубина мысли! что за даръ слова!» и пошолъ, и пошолъ. Я только помалчиваю; однако сказалъ, что хорошо читаетъ. Что съ этими людьми толковать, — это будетъ гласъ воиющаго въ пустынь. Пускай себѣ восхищается; найдутся люди, готовые слушать и моего знакомаго съ удовольствіемъ: un sot trouve toujours un plus sot qui l'admire.

22-го января. Поздно вечеромъ.

L'homme propose, Dieu dispose. Я хотѣлъ идти вчера къ моей Вѣрочкѣ, и не могъ. Ко мнѣ пришли мои добрые товарищи; съ ними и Митя Кроминъ, разумеется. Вечеръ пролетѣлъ незамѣтно въ умной, веселой, шумной бесѣдѣ. Подъ конецъ, какъ водится, сѣли за карты и проиграли до 4-го часу утра. Я сѣлъ на авось, — либо панъ, либо пропаль, — и вывезла кривая! У Мити Кромина, которому отецъ присылаетъ огромные куши, подцѣпилъ я ровно 58 р. с.; при моихъ обстоятельствахъ это вовсе не лишнее. А какой этотъ Митя славный малый! Благородный такой. Немножко enfant gâté, — да это не бѣда.

Сегодня былъ у Вихряевыхъ. Старики спали; Вѣрочка была, къ моему полному удовольствію, одна. Я теперь играю роль недовольнаго; помучить не мѣшаетъ. Она была очень грустна.

— Какъ вы меня терзаете, Павелъ Алексѣичъ! Что я вамъ сдѣлала?

— Вы меня не любите!

— Я васъ не люблю? Да я все для васъ готова сдѣлать.

— А когда я вамъ предложилъ, недѣлю тому назадъ, поѣхать со мной кататься, вы что сдѣлали?

— Павелъ Алексѣичъ! Подумайте, что скажутъ рара и татап, когда узнаютъ!

— Такъ развѣ это любовь, которая дрожитъ передъ тѣмъ, что скажутъ рара и татап? Нѣтъ, Вѣра Петровна, я понимаю любовь не такъ. Когда любишь, тогда не разсуждаешь; тогда весь отдаешься любимому человѣку; весь, безраздѣльно, и только — любишь, любишь въ какомъ-то чаду, въ обаяніи, въ блаженствѣ...

— Paul, ты знаешь... проговорила она, не требуя отъ меня невозможнаго.

И она бросилась ко мнѣ на шею. Чортъ знаетъ, чѣмъ все это кончится. Она меня любитъ, — это вѣрно; но любить не такъ, какъ бы мнѣ хотѣлась. Иногда мы на *ты*, иногда на *вы*. Цѣлуемся, обнимаемся, а толку нѣтъ; это скучно. Поцѣлуй я могу имѣть отъ женщинъ и за деньги... Нѣтъ, Вѣра Петровна, если вы желаете сохранить себѣ вашего Paul, такъ давайте ему чтонибудь посущественнѣе; этими безешками сытъ не будешь.

23-го января.

Боже, что это за народъ такой! Ils ne font que m'échauffer la bile! Нынче меня совсѣмъ измучили. Пришолъ портной за деньгами; отъ этого кое-какъ отдѣлался. Потомъ является сапожникъ, потомъ лавочникъ, прачка, черти, дьяволы! Когда я отъ васъ освобожусь! И точно вѣдь сговорился, — все въ одинъ день, въ одинъ часъ наполни. Навѣрное деньщикъ мой повѣстиялъ, что, молъ, баринъ выигралъ, такъ приходите: при деньгахъ, значить. Задаль же я ему потасовку за это; будетъ помнить! И странный вѣдь народъ! Они думаютъ, что деньги созданы только для того, чтобы уплачивать ихъ кредиторамъ! Не понимаютъ, ослы, что у нашего брата, образованнаго человѣка есть свои высшія потребности, удовлетвореніе которыхъ гораздо важнѣе, чѣмъ плата за какойнибудь сюртукъ, сапогъ или фунтъ чаю, выше чего эти мошенники ничего себѣ и представить не могутъ! Больше всехъ меня взбѣсилъ этотъ нѣмецъ-сапожникъ; тоже пустился въ разсужденія! Говорить, трудъ любить деньга; говорить, всякій порядочный человѣкъ обязанъ трудиться честно, и за свой трудъ получать вознагражденіе.... Всякій порядочный человѣкъ! Это мнѣ нравится! Сапожникъ-то — считаетъ тоже себя за порядочнаго человѣка! Tas d'imbéciles qu'ils sont, ma foi! Вѣдь онъ что? купилъ себѣ на 5 копѣекъ кофе, картофелю, да дешеваго княстера, да и будетъ съ него, не хочетъ понять, что нашъ братъ не можетъ довольствоваться тѣмъ, что составляетъ благо для какогонибудь ремесленника или какогонибудь bourgeois! Обидно, главное то, что передъ этими людьми нужно унижаться, нуж-

но просить их подождать, нужно говорить съ ними.... Что за наказаніе такое! Хорошо еще, что согласились, дурачье, подождать недѣлю. Да что пользы! Черезъ недѣлю будетъ та же исторія. *C'est insupportable!* Вотъ жизнь; нечего сказать, — хороша! Правду сказалъ какой-то французскій поэтъ:

*Le temps qui fuit sur nos plaisirs,
Semble s'arrêter sur nos peines!*

Нынѣшнее утро мнѣ показалось цѣлою вѣчностью!

Черезъ нѣсколько часовъ.

Только-что вернулся съ прогулки, съ Невскаго. Иду по Коюшенной, смотрю: передо мной идетъ дамочка, по видимому, изъ порядочныхъ. Одѣта очень изящно и шикарно; ножка маленькая. Я поравнялся съ ней, заглянулъ подъ шляпку — прелесть! Въ этихъ случаяхъ я преловкій, и, что называется, не промахъ. Тотчасъ-же согнулъ руку дугой?

— Надѣюсь, не будете такъ жестоки, и не откажете прогуляться со мной?...

Та вытаращила на меня свои чудные глазенки, вся вспыхнула, смѣшалась, испугалась, и почти побѣжала отъ меня. Я, разумѣется, за ней:

— Ого, какія вы гордыя! Пойдемте, что церемониться! На насъ, право, заглядятся, какъ мы пойдемъ рука-объ-руку: вотъ, скажутъ, парочка,

— *M-eur, mais laissez-moi donc! Que me voulez-vous?*

Это меня наконецъ взбѣсило. Утромъ — кредиторы, теперь — тоже всякая дрянь какую-то добродѣтель корчить. Постой, думаю, распотѣшу я тебя!

— Вы не бойтесь, говорю... обижены не будете; я человекъ честный... *et... nous passerons le temps à merveille.*

Тутъ ужъ она окончательно побѣжала. Я за ней; думаю, не такъ еще тебѣ удружу, когда носъ поднимаешь. Вдругъ она — шмыгъ на лѣстницу какого-то дома. Я было, хотѣлъ за ней, да раздумалъ: чортъ знаетъ, можетъ-быть, еще на исторію нарвешься; изъ-за такой бездѣлицы не стоитъ! А прехорошенькая штучка была! Особенно, когда раскраснѣлась отъ моихъ словъ. О, женщины, о крокодилы! Пари держу, что бѣжала на свиданіе къ возлюбленному отъ мужа или отъ отца. Знаю я этихъ добродѣтельныхъ. Зло только на нихъ береть.

Что мнѣ дѣлать сегодня вечеромъ? Къ Вѣрочкѣ не пойду: нужно помучить, — авось податливѣй будетъ. Пойдука въ Михайловскій; сегодня и *Théorie* и *Malvina* играютъ; а тамъ закатимся куда нибудь, гдѣ повеселѣмъ.

(Продолженіе впродѣ.)